

Сергей Саканский

СОБИРАТЕЛЬ ГРЁЗ

и другие парные
и непарные
рассказы

3

Разбег
и пробежка

Собиратель грёз

Сергей Саканский

Разбег и пробежка (сборник)

«Автор»

2002

Саканский С. Ю.

Разбег и пробежка (сборник) / С. Ю. Саканский — «Автор»,
2002 — (Собиратель грёз)

Тема этой книги – любовь, ее причуды и странности. Действие происходит в девяностых годах, когда все явления нашей жизни, включая и тему книги, имели особенный, причудливый характер. Охотник ястребов – человек, который никогда ни у кого ничего не просил, затевает опасную игру, не понимая, что ставка – сама его жизнь. Он начинает и выигрывает. Маленькая, одинокая также неосознанно играет. Она проигрывает. Однако смысл выигрыша и проигрыша в данных случаях не имеет значения. В третьей книге серии читателю станет вполне ясно, почему рассказы обозначены как парные и непарные, каким образом выстраиваются из них пары, цепочки, и каковы приемы конструкции серии вообще.

© Саканский С. Ю., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Маленькая, одинокая	5
Следы лидочки	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Саканский

Книга 3

Разбег и пробежка

Маленькая, одинокая

Что касается Агнии, то маленькой она была всегда, а вот одинокой стала относительно недавно. Это довольно грустная и страшная история, читатель, настолько гнусная и мучительная, что хорошо известный нам с тобой поэт-песенник Жирмудский честно изложил ее в одной из своих незаконченных ораторий.

Агния любила бегать по лесу, печатая кроссовками гулкую изморось, кленовые листья, ледяные корочки и молодую траву.

Постоянным было только время, пространство же рассыпалось под частой дробью ее шагов. Агния начинала в семь утра, каждый раз она бежала новыми тропами, блуждая в лесу, словно в живом лабиринте, всегда теряла ориентацию, но вдруг, увидев какой-то знакомый фрагмент реальности – перекрученную в адских муках рождения сосну или старый пенек с раскорякой бредовых корней – быстро находила дорогу к опушке леса, и там, возбужденная, разогретая, создавала свой немыслимый гимнастический танец.

Это был танец солнца и дождя, инея и росы, облака и звезды...

Именно в танце, сложившись пополам и косичками ударив оземь, в перевернутом мире своем она и увидела его бегущего.

Валерка бежал с востока на запад, а глядел изумленно на север – туда, где, под аркой из двух упругих ног в розовом трико появлялась и исчезала маленькая голова, с глазами, обращенными на юг.

Раз-два, раз-два: работают его ноги и руки, три-четыре, три-четыре: мелькает под аркой ее голова, и две косички ударяются о тропу... Эх, запечатлеть бы навсегда в памяти и остановить этот клип, сделать из него короткий рекламный ролик и забыть всю нашу дальнейшую жизнь...

А вы еще не освоили невидимые тампоны пфумп? Тогда мы бежим к вам!

Но Валерка повернул на север, повинувшись розовому зову, и бежал, как бы в рапиде, замедляя темп и становясь уже нерезким, как профессионал, пересекающий финишную черту. Он бежал, глубоко вдыхая весенний воздух, уже почему-то зная, что нашел свое счастье, и перед ним простирается не лесная тропа, а самая настоящая дорога новой любви.

Добежал, и замерло всё, словно кто-то ткнул кнопку *стоп*: Агния застыла с широко раскрытыми глазами и внимательным ртом, а Валерка застыл, словно статуя бегуна, в трех шагах расстояния глядя на ее губы, упруго натянувшие розовую ткань.

Тишина и покой. Только тихонько покачиваются ее косички, кончиками подметая тропу, и часто надувается его живот, и где-то далеко трещит еще ничего не знающий дятел.

Но двинул Валерка кулаками, будто боксируя, а на самом деле – приглашая в путь, распрямилась Агния, плечами повела, и вновь остановилось время, потекло пространство, и оба побежали они в чащу, Агния впереди, Валерка за ней, за своей новой любовью, за смертью, как выяснилось потом.

Они бежали то рядом, хитро поглядывая друг другу в глаза, то гуськом, жадно рассматривая друг друга в движении, и, наконец, на поляне, защищенной густым ельником, друг на друга набросились, вернее, как бы набросились на что-то третье, невидимое, что каталось меж ними рядом в траве, нечто такое косматое, что надо было схватить и запихнуть.

И далее, день за днем, конец весны, лето и начало осени – бегали они по лесу за своей любовью, каждый раз находя ее на новом месте в лесной глуши... И весь лес был завален их презервативами, завязанными в узелок – такая вот у Валерки была привычка.

А осенью их постигла смерть.

Его убили сразу, удалив как лишнюю деталь, а ее долго валяли по траве, гнали на ней верхом, натягивая косички, словно вожжи, тыкали во все ее складочки ненасытные фаллосы, а, насытившись, бросили ее мертвое тело в мусорную яму.

Ночью Агния ожила и выползла на шоссе. Ее подобрал двоюродный братик, веселый мальчишка на джипе, им очень хотелось сделать с ней то же самое, что другие сделали утром, но победили какие-то новые, незнакомые чувства, и Агнию отвезли в больницу. Там и обнаружил ее на следующий вечер муж, почти уже сошедший с ума от фантазий.

Агния металась в бреду, ее косички бились о подушку, ей мерещились голоса то тех, из леса, то других, из джипа, и еще кто-то там, внутри Агнии говорил – те, которые подошли к мусорной яме в лесу и потыкали ей в попку палкой.

– Пьянь или наркоманка. Тепло еще, не замерзнет.

– Вот ведь штука! Когда молодой был, хоть раз бы баба в лесу попалась. А тут... Только палкой ее потыкать, разве...

– Жизнь, она вообще – штука. Жизнь – она чем-то похожа на хуй.

– Я за эту тачку хорошие бабки отдал. А ты говоришь: в больницу.

– При чем тут бабки?

– При том. Девчонка – сто баксов в час. А я их джипом беру.

– Как джипом?

– Молча. Как хуй встанет, так первую с обочины и беру. Ты прикинь, почему у меня стекла темные? Мне эту тачку еще целый год отрабатывать, если по девчонке в день.

– Так. Теперь ты в жопу, а я в рот.

– А Злат?

– А Злат будет вокруг бегать и матерные песни орать.

– Жизнь, она, скорее, пизда, а не хуй. С чего ты взял, что она хуй?

– Хуй. Сначала ты маленький, мягкий. Потом встаешь, расправляешься. И вдруг оказалось, что всё – кончил. И тебе уже шестьдесят.

– И что – все дают?

– Все. Как пикало к горлу приставишь.

– И что – никто потом ничего? А если номер запомнит?

– Старалась одна. Но у меня ж на морде не написано, что я мент. Посмеялись ребята.

– Теперь ложим ее на Злата. А я сверху.

– А я?

– А ты в рот.

– А Солнце?

– А Солнце подрочит пока.

– Пизда. Потому что сначала она гордая и сухая. А потом хлюпает и кричит, и просит еще. Так и жизнь. Сколько ни живешь, тебе все равно мало.

– Давай монетку кинем. Если орел, то трахнем. Если решка – отвезем в больничку.

– Теперь ты в груди, я меж лопаток, Злат в рот, а Солнце в гриву.

– А Ветер?

– А Ветер на подмене. Играем, кто последний, на десять баксов.

– Жизнь – это жопа. Глухая, темная жопа, куда мы все с помощью хуя приходим из пизды. Муж сидел у ее постели, слушал, что Агния бормочет в бреду, и плакал от жалости к себе.

Это был мирный пятидесятилетний человек. Десять лет назад ему крупно повезло, и он стал богатым. Он ушел от старой невзрачной жены и взял себе новую, гибкую красавицу Агнию, быструю, словно Лара Крофт.

После этого случая Агния разлюбила его, и он разлюбил Агнию. Она лежала, не двигаясь, молча ожидая, когда он кончит, а он, чтобы кончить, призывал на помощь образы других женщин, как это было с первой женой. С той ночи, когда в образе другой женщины появилась собственной персоной его первая жена, он и взял курс на развод.

Они расстались без малейшей тени, без обиды и сожаления, муж купил ей уютную однокомнатную квартиру и положил в банк деньги, с тем, чтобы женщина жила на процент, и о том, что его убили друзья-бизнесмены при очередной разборке, Агния узнала случайно, полгода спустя, встретив на оптовке бывшую соседку по старой квартире.

Вот, оказывается, почему прекратились от него письма, которые она получала примерно раз в месяц. Именно раз в месяц он напивался, давая короткую передышку своему старому организму. Если бы друзья не помогли ему расстаться с жизнью, он и сам бы умер лет через пять, бизнесмен.

В последние годы его жизнь превратилась в непрерывный трудовой кошмар. Когда-то давно, выбрав за ее основу комсомольскую линию, он как раз и имел в виду сытое спокойное счастье...

Но всё перевернулось в мире твоём, Господи... Нет теперь в жизни счастья, а есть только постоянная борьба за счастье, которая не счастьем кончается, но смертью.

Агния больше не бегала по утрам, хотя муж выбрал ей квартиру, пусть и в хрущобе, но на опушке леса, думая, покойник, что когда-нибудь она вернется к спорту.

Агния тосковала. Она стала полнеть, у нее остался довольно широкий, очень сексуальный шрам на щеке. Ее сильно возбуждало, если какой-нибудь мужчина прикасался к этому шраму кончиком языка. Агния стеснялась просить мужчин об этом, она вообще стеснялась говорить о любви. Она старалась потереться щекой, прямо своим шрамом о щетину мужчины, выпустить кончающий фаллос изо рта и быстро прижать его к щеке, чтобы струя ударила прямо в шрам... С годами так получилось, что шрам стал необходимым центром ее оргазма.

О чем она думала в эти минуты?

О лесе. О глухой поляне, где лежал остывающий Валеркин труп. О мальчишках, которые прорастали вокруг нее, то сокращаясь пружинисто, то извилисто змеясь...

– Солнце и Ветер в подмышки...

– Бросишь ее на горячий капот...

– Жопа она, хуй и пизда...

Теперь Агния знала, что счастье возможно, что любовь существует, только она подразумевает смерть... А время – само по себе – подразумевает пространство.

Агния знала, что однажды наступит такое утро, когда она наденет розовое трико, заплетет свои тонкие косички и побежит, свободная и быстрая, словно Лара Крофт, по безлюдному лесу, печатая кроссовками гулкую изморось, кленовые листья, ледяные корочки и молодую траву...

Она бежит новыми тропами, блуждая в лесу, словно в живом лабиринте, возбужденная, разогретая, и губы твердеют от трения о ткань, и косички стучат по плечам, и где-то далеко трещит еще ничего не знающий дятел, а она всё бежит и бежит за любовью, за смертью, и, наконец, на поляне, защищенной густым ельником, ждут ее счастливые безбашенные мальчишки – Солнце и Ветер, Злат и Свят.

Они будут любить ее весело и зло: в груди и в подмышки, в уши и в лопатки, в жопу и в рот, и залюбят ее до самой смерти... И вот тогда взлетит она над лесом, и в ослепительно синей вышине исполнит для всеильного зрителя свой безумный, свой последний танец солнца и дождя, инея и росы, облака и звезды.

Следы лидочки

1

Ченчин в буквальном смысле слова *выследил* свою любовь. В тот день только что выпал тонкий снежок на февральский наст, выпал и успокоился: лишь редкие мохнатые кристаллы всё ещё кружили перед глазами, мешая жить.

Ченчин шел с работы, срезая путь в этом подковообразном городке – отнюдь не любуясь природой. Он хотел думать о своей тупой одинокой жизни, а думал о снеге и шел обновленной тропой, как первооткрыватель тропы... И вдруг увидел цепочку узких следов-лодочек, которые свернули справа, и сразу влюбился в эти следы.

Ченчин двинулся по следам, забрал на восток, потом – далеко на юг, в глушь: было ясно, что женщина не шла, а бежала, и вдруг он увидел ее, бегущую по тропе обратно, и, поравнявшись с ним, она поскользнулась, потеряла равновесие, схватила первое попавшееся (плечо прохожего мужчины) и вдруг оказалась в его руках, как говорят литераторы – в объятиях...

Дальше было безумие, пропустим... Или нет – всё же расскажем: ведь такое случается не с каждым.

Ченчин почувствовал плоть женщины, и его собственная плоть отозвалась мгновенно. Женщина быстро глянула Ченчину в глаза. Внезапно они стали целоваться холодными губами – жадно, бесстыдно, дрожа от избытка адреналина, задыхаясь от неожиданных ощущений.

Ченчин подумал, что так не бывает, разве что только в фантазиях и в порнушном кино, которое, впрочем, фантазиями и питается... Он повалил женщину и быстро, меньше, чем за минуту, овладел ею в снегу.

Это была самая яркая минута его жизни. Он так часто вспоминал ее потом, что минута размножилась, развернулась, словно пленка из рулона, обрастая придуманными подробностями, а вот настоящих подробностей Ченчин не запомнил... Он вызывал эту минуту в процессе размеренных, как тиканье часового механизма, уже супружеских слияний с Лидочкой: слабый интимный свет ночника – долгие зимние сумерки, снежная белизна постельного белья – снег, снег, снег...

И даже африканская маска, которая близко висела на стене, под белым циферблатом часов, по которому, также толчками, двигалась секундная стрелка... Ченчин и сам не понимал, почему он всегда смотрит на эту маску в момент своего оргазма, почему не хватает ему этой маски, если оргазм происходит где-нибудь в другом месте...

Тогда, на снегу, он услышал звук, похожий на хриплое рычание, подумал сначала, что с такими стонами кончает таинственная незнакомка, успел удивиться, повернул голову и чуть не столкнулся с огромной собачьей мордой, которая нюхала его.

Это ему не показалось: позже, когда они лежали рядом, расслаблено и тепло, хоть и в снегу, Ченчин увидел вдали силуэт собаки: она подбежала к хозяину, поднялась на задние лапы, прыгнула и кувыркнулась, подняв белый вихрь на фоне туманного диска дневной луны... А потом, когда он вернулся сюда, на другой день, словно Раскольников на место преступления, – увидел на снегу, рядом с двумя «космонавтами» – собачьи следы.

Он стоял на этом удивительном месте и пытался вспомнить, представить то, что происходило здесь вчера. Но лунки были пусты, хотя, как и положено в таком фантастическом кино, в лунках должны были сначала появиться смутные скелеты, обрастая дымчатой кровеносной системой, плотью...

Ченчин лег в свою лунку, в свое идеальное ложе, устроил в углублении руку, слившись с собой вчерашним.

Прямо перед глазами был снег, снег, снег... Ченчин никогда не видел снег так близко. Оказывается, в снеге больше воздуха, чем вещества. Кристаллы лежат изломанными образами детства, подразумевая и сосновый бор, и пальмовую рощу, и заброшенное кладбище...

– Надо вставать, простудимся, – сказал Ченчин.

– Фу, заботливый какой! – сказала женщина.

– Как тебя зовут, спортсменка? – спросил Ченчин.

– Лидочка, – ответила женщина. – У меня такого еще никогда не было, – весомо уточнила она.

И исчезла – растворилась в снежном сумеречном тумане, не назвав ни своего телефона, ни адреса, и он искал ее целыми днями, пригибаясь, вынюхивая следы-лодочки, кувыркаясь в снежной пыли на фоне луны или солнца, словно гончий пес, и, наконец, он нашел ее, и всё повторилось, и вскоре они поженились, и жили долго и счастливо... Вот, если бы так, кхе-кхе, и закончилась эта замечательная история... Но – увы!

2

Лидочка – теперь уже в качестве его законной жены – перед тем, как выбежать, готовила ему завтрак: всегда одно и то же – бутерброды, два крутых яйца, чай и что-нибудь сладкое к чаю. Впрочем, это мог быть тот же бутерброд – с вареньем, например...

Нет, господа! Надо их видеть, эти бутерброды. Крупными кольцами порубленная колбаса, неочищенная. Масло, не намазанное, а пластами положенное на хлеб. Если шпроты, сгущенка или мед – то всё течет и липнет. Кроме бутербродов, Лидочка ничего не умела готовить, даже яйца варить не умела.

Убить ее было мало. Да, именно так: *мало было ее убить*.

Она никогда не могла сварить яйцо всмятку – яйцо получалось в мешочке. Отчаявшись ее научить, Ченчин постарался привыкнуть к яйцам вкрутую. Но и такие яйца бедняжка не могла приготовить вполне. Она снимала кастрюльку с огня и ставила ее под струю холодной воды, для того, чтобы скорлупа отстала от яйца. Но это ошибка, дорогие товарищи! Чтобы скорлупа отстала от яйца, яйца надо ставить под струю холодной воды не в кастрюльке. Яйца, граждане судьи, следует вынимать из кипятка столовой ложкой и *сразу*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.